

РАЗЛИЧИЯ В СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННЫХ БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ (РУССКОГО И ЧЕШСКОГО)

Станислав Жажа

(Stanislav Žaža, Filozofická fakulta Masarykovy univerzity
Arna Nováka 1, 660 88, Brno, ČR)

1. Выражение "близкородственные" в отношении чешского и русского языков может показаться сомнительным или даже неверным, так как близкородственными принято считать, как правило, прежде всего языки одной подгруппы, т.е., например, русский и украинский, чешский и словацкий, болгарский и македонский и т.п. Тем не менее, ряд аналогичных явлений в области морфологической системы и синтаксической структуры исследуемых нами языков – русского и чешского – позволяют, по нашему мнению, употребление этого выражения.

2. Однако несмотря на генетическое родство русского и чешского, сопоставительное изучение их современного состояния обнаруживает ряд системных и других различий во всех их планах, на всех уровнях языковой структуры.

3. Так, в области словарного состава одним из различий является наличие большего количества наименований аналитического типа в русском языке, в то время как преобладающим словообразовательным типом чешского является суффиксальное образование, т.е. синтетический тип. Примером оппозиции обоих типов может служить образование названий заводов, фабрик, магазинов и др. учреждений; ср., напр., *цементный завод* – *cementárna*, *бумажная фабрика* – *papírna*, *писчебумажный магазин* – *papírnictví*; (*продавец писчебумажного магазина* – *papírník*); к подобным случаям можно отнести и названия разных языков: *русский*, *венгерский*, *китайский*... *язык* – *ruština*, *mad'arština*, *čínština*...; названия частей целого: *пятая*, *шестая*, *сотая часть* – *pětina*, *šestina*, *setina*; названия денежных сумм: *плата за вход* – *vstupné*, *плата за проезд* – *jízdné*, *почтовый*

сбор – roštovné, надбавка к зарплате за отдельное жительство от семьи при командировке – odlučné (см. Chlupáčová 1974, Žaža 1991).

С указанной оппозицией связана и большая употребительность в русском языке аналитических глагольно-именных сочетаний вместо полнозначительных глаголов, как *обращать внимание – všítmat si, подвергать анализу – analyzovat* и мн. др.

4. Другим из важных различий в области словарного состава сопоставляемых языков является отношение русского и чешского языка к заимствованным словам неславянского происхождения. В связи с тем, что чешский язык на протяжении веков развивался в пределах западной культурной сферы, в нем встречается ряд слов немецкого и латинского происхождения, как, напр., *Vánoce – Weihnachten* 'рождество', *kostel – castellum* 'церковь', *klášter – Kloster/claustrium* 'монастырь', *taška – Tasche* 'сумка', *muset – müssen* 'быть должен' и мн. др.

В условиях угрожающей германизации многие из немецких слов были устранены из чешского языка в эпоху национального возрождения в XIX веке. Некоторые, правда, сохранились, однако относятся к сфере сниженной лексики, как, напр.: *mašina, štempl, špagát, futrál, kasa, fechtovat, presovat* и др., в то время как соответствующие им русские выражения полностью стилистически нейтральны, ср. *машина, штемпель, шпагат, футляр...*

С другой стороны, в чешском, как и во многих других европейских языках, укоренились в качестве интернационализмов многие выражения латинского или греческого происхождения (ср., напр., Йирачек 1971). Многие из подобных выражений (их около 400) в русском языке отсутствуют; ср., напр., *demise – отставка, edice – издание, invaze – вторжение, нападение, koprodukce – совместное производство, familiární – принужденный, uřgovat – настойчиво напоминать, eventuálně – возможно* и др.

5. В области фонетики и фонологии выразительное различие между русским и чешским заключается в том, что русская система звуков богаче согласными, что вытекает из наличия в ней регулярной оппозиции твердых и мягких, в то время как в чешском языке эта оппозиция сводится лишь к согласным *d, t, n*; ср. *dým* 'дым' – *dím*

'молвлю', *let* 'полет' – *let'* 'лети', *žen* 'женщин' (р. п.) – *žej* 'урожай'. В противоположность этому, числом гласных чешский превышает русский вследствие фонологической долготы гласных и наличия дифтонгов *ou* (и *eu*, *au* в заимствованных словах), ср. *dal* 'он дал' – *dál* 'далее', *muže* 'мужчины' – *může* 'он может', *tu* 'эту' – *tou* 'этой'.

Чешский язык отличается от русского также наличием сло-гообразующих звуков *r* и *l*: ср. *držet* – *держатъ*, *vrčet* – *ворчатъ*, *vlna* – *волна*, *mlčet* – *молчатъ* и др.

Выразительное различие представляет и тип ударения: разно-местное и подвижное в русском – устойчивое на первом слоге (или на предлоге) в чешском. Редукции гласных в чешском нет.

6. Исторические изменения звуков оказали сильное влияние на современную морфологическую систему. К самым выразительным факторам следует отнести влияние палатализации, перегласовок и контракции гласных.

В чешском сохранились палатализованные формы в склонении существительных: *ruce* – *руке*, *noze* – *ноге*, *Slováci* – *словаки*.

В результате перегласовок типы склонения существительных с мягкой основой в чешском существенно отличились от склонения существительных с твердой основой, ср.: *generál*, *-a*, *-u* – *učitel*, *-e*, *-i* и русское *генерал*, *-а*, *-у* – *учитель*, *-я*, *-ю*, где различия сводятся в основном лишь к графике.

Процесс контракции гласных (*aja* – *á*, *oje* – *é*, *eje* – *é*, *ije* – *í*...) стал причиной упрощения склонения мягких прилагательных; ср. *letняя*, *-юю*, *-ее*, *-ие* – *letní*, а также причиной возникновения новых типов спряжения глаголов: *делаешь*, *делает*, *-аем*, *-аеме* – *děláš*, *dělá*, *-áte*, *-áte*, *умеешь*, *умеет*, *-еем*, *-еме* – *umíš*, *umí*, *-íte*, *-íte* (причем формы 1-го л. ед. ч. *dělám*, *umím* заимствованы от атематических глаголов).

В результате разных изменений и инноваций, нередко взаимодействующих в противоположном направлении, система словоизменения в русском языке оказывается проще, чем в чешском. Свидетельством этому могут служить, между прочим, унифицированные формы мн. ч. существительных *-ам*, *-ах*, *-ами* (*школам*, *заводах*, *душами*, *косякам*...); трем русским формам соответствует 13 чешских:

školám, -ách, -ami; závodům, -ech, -y; duším, -ích, -emi; kostem, -ech, -mi; staveními 'зданиями'.

7. В отличие от русского, в чешском почти отмерли краткие (именные) формы прилагательных, ср.: *дом высок – dům je vysoký, книга дорога – kniha je drahá, ваши взгляды правильны – vaše názory jsou správné*. Сохранилось лишь несколько прилагательных: (*je*) *zdráv, nemocen, živ, mrtev, št'asten, dlužen, schopen; jist* – он здоров, болен, жив, мертв, счастлив, должен, уверен. Наоборот, в чешском более медленно отмирают прилагательные притяжательные, ср. *ředitelův syn* – сын директора, *Věřina odpověď* – ответ Веры и др.

Примером аналитизма в русском языке является изменение прилагательных по степеням сравнения, ср. *веселый – более веселый – самый веселый*. В чешском степени сравнения образуются синтетически: *veselý – veselejší – nejveselejší* (ср. в венгерском: *vidám – vidámabb – legvidámabb*).

8. Ряд разных различий можно наблюдать и у других частей речи (числительных, местоимений и наречий; ср. Adamec 1980).

В области употребления страдательных форм глаголов – возвратных и описательных – наиболее выразительным расхождением является тот факт, что в чешском языке описательные формы могут употребляться и от глаголов несовершенного вида; ср.: *chlapec je vychováván v rodině strýce* – мальчик воспитывается в семье дяди; *stroje byly vyráběny v zahraničí* – машины производились за границей. Наоборот, возвратная форма в чешском нередко встречается и у глаголов совершенного вида; ср. *našel se pes* – была найдена собака; *obilí se sklídí včas* – зерно будет убрано вовремя.

9. В области синтаксической структуры сопоставительный анализ предоставил нам возможность разностороннего познания русского и чешского предложения.

Наблюдая русское и чешское предложение с точки зрения его внутренней структуры, можно обнаружить несколько выразительных особенностей системного характера. Одной из этих особенностей является весьма частое асимметрическое строение субъектно-предикатного (базового) комплекса русского предложения. Оно находит отражение в том, что субъектный или предикатный компо-

нент базового комплекса или подавлены, или отсутствуют (ср. Bauer-Mrázek-Žaža 1979, Grepl-Karlík 1988).

10. Одной из форм подавления субъектного компонента является деноминативизация производителя действия. Она находит выражение:

а) в общеотрицательных предложениях; их подлежащее находится в форме родительного отрицательного: *deneg net, voprosov ne posledovalo, zatrudnenij ne okazalosj*. В чешском одержала верх номинативная, симметрическая конструкция: *peníze nejsou, (žádné) otázky nepásledovaly, obtíže nebyly*. Родительный отрицательный встречается в основном лишь в качестве нескольких реликтов: *není námitek, připomínek; nebylo potoci* и мн. др.

б) в предложениях с модальностью возможности/необходимости, содержащих форму дательного – производителя действия: *Petru možno vrátit se, dědušce надо odpočinout, ей придется ujet, ученикам нельзя шуметь, Ирине убирать komnatu* и др. В чешском предложении преобладающим эквивалентом опять-таки является номинативная конструкция с личной формой модальных глаголов *moci, smět* (возможность, разрешение), *muset, mít* (необходимость, долженствование): *Petr se může vrátit, dědeček si musí odpočinout, žáci nesmějí hlučet, Irena má uklízet pokoj* и т.п. (ср. Běličová 1983).

в) в предложениях с производителем действия, представленным стихийной силой: *vetrem сорвало křechu, молнией зажгло dřevo, течением снесло lodku*. Эквивалентом таких конструкций также является номинативная конструкция: *vítr strhl střechu, blesk zapálil strom, proud unesl lod'ku*. Если производитель действия не выражен, то и тогда в чешском предложении сохраняется симметрическое строение, а именно с помощью неопределенного подлежащего *to*: *po všem domě загудело – po celém domě to zahučelo; ego отбросило в сторону – odhodillo ho to stranou*.

11. Другими формами подавления субъектного компонента является анонимизация и генерализация личного субъекта. Средством выражения анонимизации и генерализации являются предложения, содержащие форму 3-го л. мн. ч. или 2-го л. ед. ч., традиционно называемые неопределенно-личные (*здесь продают билеты, в дверь постучали*) и обобщенно-личные (*в конце предложения ставят*

точку, вас не убедишь). Подобные конструкции возможны и в чешском языке, но лишь при условии, что говорящий исключен из числа производителей действия, т.е. в варианте неопределенно-личном (*zde prodávají lístky*). Однако и здесь заметна тенденция, а то и необходимость, заменять указанные предложения симметричными конструкциями: *zde se prodávají lístky* (страдательная конструкция), *někdo zaklepal na dveře*.

Обобщенно-личных предложений вышеуказанного типа в чешском языке вообще нет. Им соответствуют чаще всего страдательные конструкции: *в конце предложения ставят точку – na konci věty se píše tečka*. Предложениям типа *вас не убедишь* соответствуют номинативные конструкции с обобщенным подлежащим *člověk*: *člověk vás nepřesvědčí*.

12. Основным примером подавления предикатного компонента может служить невыражение форм наст. вр. глагола *быть*.

Необходимым последствием невыражения этой формы является обязательное употребление личного местоимения: *он студент 1-го курса, я читал, вы искали меня?* В противоположность этому, в чешском языке строгой необходимости употреблять местоимение нет, так как глагольная форма регулярно выражается: *je studentem 1. ročníku, byl jsem doma, hledala jste mě?*

Отсутствие наст. вр. глагола *быть* в русском языке нередко компенсируется наличием некоторого из глаголов существования (*встречаться, иметься, наличествовать...*) или (полу)связочных глаголов (*являться, состоять, служить, числиться...*).

13. В разговорном русском языке склонность к подавлению глагольного компонента предложения сказывается также в обилии разного рода неполных, эллиптических предложений: *вы к кому? вам кого? о чем он так долго?* и т.п. Высшая частота подобных предложений в русском языке также связана с обязательным употреблением личных местоимений. Ср. ч. *Ke komu jdete? Vy jdete ke komu? Koho hledáte? O čem (on) dlouho mluví?*

14. Выразительным различием между русским и чешским языком является также способ передачи посессивных отношений (ср. Mrázek 1973). Выражению этой категории служат в русском языке преимущественно глаголы типа *esse* (*быть, стать, оказаться, встре-*

чатся, иметься), напр.: у отца (есть) машина, на Тане новое платье, в году 12 месяцев, у сестры не стало терпения, денег у него не оказалось. Этим русский язык сближается с венгерским, в то время как чешский относится к группе языков, в которых преобладают глаголы типа *habere*: *otec má auto, Táňa má nové šaty, rok má 12 měsíců, sestra už nemá trpělivost, právě neměl peníze*. Функциональный диапазон чешского глагола *mít* однако еще гораздо шире: он употребляется в качестве эквивалента семантически более конкретных русских глаголов: *má radost* – он радуется, *kolik má Petr měsíčně?* – сколько Петр получает в месяц?, *máme po dešti* – дождь прошел и мн. др.

15. В сфере отрицательных конструкций можно установить два основных явления, отличающих сопоставляемые нами языки:

а) почти полное отсутствие в чешском родительного отрицательного: *v teatru nem eskalátorů* – в divadle nejsou eskalátory, я не получил ответа – *nedostal jsem odpověď*, Петя не читает детективов – *Pět'a nečte detektivky*;

б) весьма распространенное употребление в чешском полного отрицания на месте частного: *я играю не на скрипке, а на гитаре* – *nehraju na housle, ale na kytaru*; на снимке был не Вася, а Петя – *na snímku nebyl Vasja, ale Pět'a*.

16. Внимания заслуживает также наодинаковая мера употребления предикативного творительного (см. Мразек 1964). В чешском в форме предикативного тв. п. употребляются лишь существительные, в русском сфера его употребления шире, ср. *он был веселым* – *byl veselý*, *Саша вернулась загорелой* – *Saša se vrátila opálená*; ср. также *мальчиком Юра играл в хоккей* – *jako chlapec hrál Jura hokej*.

17. Склонность к именному характеру высказывания в русском сказывается также в обильном употреблении именных форм глаголов (деепричастий, причастий, отглагольных существительных, инфинитива). В чешском языке нередко оказывается обязательным употребление придаточной конструкции:

- (1) а. Войдя в комнату, он поздоровался.
б. *Když vešel do pokoje, pozdravil.*
- (2) а. Прибывшая вчера делегация посетила музей.
б. *Delegace, která včera přijela, navštívila muzeum.*

- (3) а. Он уговорил Веру остаться дома.
б. Přemluvil Věru, aby zůstala doma.

18. В области употребления страдательных конструкций самым выразительным расхождением является тот факт, что в чешском языке производитель действия может выражаться лишь в конструкциях с описательной формой страдательного залога. Ср.:

- (4) а. Дом строится группой каменщиков.
б. Dům je stavěn (*se staví) skupinou zedníků.

19. Различия имеются также в области порядка слов и актуального членения высказывания (ср. Адамец 1966). К самым выразительным относятся, по всей вероятности, следующие:

а) в русском языке чаще субъективный порядок слов:

- (5) а. Праздник же сегодня. (рема – тема)
б. Dnes je přese svátek. (тема – рема)
(6) а. Непрактичный он человек!
б. To je nepraktický člověk!

Подобный порядок слов, однако, иногда теряет субъективный характер. Ср., напр., заглавие газетной статьи (7а), не отличающееся почти ничем от "объективного" варианта (7б):

- (7) а. Нелегкие задачи ждут украинских земледельцев.
б. Украинских земледельцев ждут нелегкие задачи.

б) в русских предложениях, начинающихся со второстепенного члена предложения (обстоятельства, дополнения), на втором месте стоит именной элемент, в чешском – глагольный:

- (8) а. Вчера в наш город приехал премьер-министр.
б. Včera přijel do našeho města premiér.

20. При анализе предложения с точки зрения его коммуникативной направленности (цели высказывания) существенное различие можно обнаружить прежде всего в области т.н. замкнутого вопроса (*да/нет-вопроса*).

В русском языке этот тип вопроса отличается от сообщения лишь типом интонации: ИК-1 меняется в ИК-3, причём интонационный центр выделяется повышением тона. Ср.:

- (9) а. Петя проводит нас к остановке. (ИК-1)
 б. Петя проводит нас *к остановке*? (ИК-3)
 в. Петя *проводит* нас к остановке?

Чешский замкнутый вопрос характеризуется 1. обратным порядком слов, 2. антикаденцией, т.е. повышением тона в конце предложения и 3. тенденцией перемещать интонационный центр на конец предложения. Ср.:

- (10) а. Petr nás doprovodí k zastávce.
 б. Dpochodí nás Petr *k zastávce*?
 в. Petr nás k zastávce *doprovodí*?

21. В результате сопоставительных исследований были приобретены обширные сведения по структуре и архитектонике отдельных типов конструкций. Может даже возникнуть впечатление, что вряд ли еще существуют неописанные явления.

Тем не менее, результаты сопоставительного описания, по нашему мнению, можно и нужно развивать путем углубленного анализа взаимоотношений синтаксической структуры и коммуникативных функций высказывания с учетом коммуникативной ситуации.

Под понятием коммуникативной функции высказывания подразумеваем цель, с которой говорящий реализует высказывание, т.е. сообщение, приказ, просьбу, рекомендацию, разрешение, отклонение, возражение, отказ; предостережение, угрозу и т.п.

Задачей лингвистического анализа является находить и характеризовать релевантные виды и разновидности таких функций и обнаруживать соответствующие им стабилизированные языковые

средства и их конфигурации вместе с условиями, при которых возможно выполнение данной цели – иначе говоря, искать **коммуникативные формы** высказывания (ср. Grepl–Karlík 1988).

22. В качестве коммуникативных форм высказывания функционируют средства разного характера, а именно грамматические (формы склонения, лица, времени и вида), лексические (частицы и изофункциональные выражения) и фонические (виды интонации, место интонационного центра, темп речи и т.п.). Важную роль играют также пресуппозиция и связанные с ней возможности транспозиции (морфологических категорий, видов интонации, отрицания), нередко, конечно, также сама лексическая семантика предикаторов. Ввиду того что все эти конституэнты действуют комплексно, во взаимодействии, то пропуск или замена некоторых из них являются, как правило, причиной сдвига или даже распада коммуникативной функции.

23. Многие сложные закономерности или тенденции отношений между коммуникативной функцией и формами высказывания, встречающиеся в пределах одного языка, были уже описаны в ряде работ (ср., напр., Daneš 1985, Grepl–Karlík 1988 и др.). Более затруднительным, однако, является обнаружение и описание подобных отношений в сопоставительном плане, так как в сопоставляемых языках, хотя и близкородственных, необходимо считаться с неодинаковым специфическим весом отдельных конституэнтов.

Описывая отношения коммуникативных функций и форм высказывания, можно исходить или из факта наличия отдельных коммуникативных функций и описывать разные средства их выражения, т.е. разные формы высказывания; или, наоборот, из описания разных форм высказывания, обслуживающих ту или иную коммуникативную функцию.

24. Примером анализа первого типа ("от функции к форме") может служить перечисление форм высказывания, обслуживающих коммуникативную функцию предложения (т.е. проекта):

- (11) а. Предлагаю купить новую батарею.
 б. Мы могли бы купить новую батарею.
 в. Не купить нам новую батарею?
 г. Купить новую батарею, что ли?

- д. Разве купить новую батарею?
 е. Что если купить новую батарею?

Последующий шаг – поиск возможных эквивалентов данных форм высказывания в другом языке.

25. Анализ второго типа ("от формы к функции") можно показать на примере чешских конструкций с частицей *že*:

а) конструкции с интонационным центром на частице *že* и с нисходящей интонацией выражают высокую степень уверенности говорящего в содержании его высказывания. Напр.:

- (12) а. *Že se ti to líbí?*
 б. Тебе правда это нравится?

б) в противоположность предшествующему типу, конструкция с интонационным центром не на частице *že*, а в конце (и с антикаденцией) выражает неуверенность, сомнение, колебание говорящего. Напр.:

- (13) а. *Že by odešel?*
 б. Он ушел, что ли?¹

26. Сопоставительный анализ взаимоотношений коммуникативных функций и соответствующих им форм высказывания находится пока в самом начале, так как лишь количество релевантных лексических конститuentов (частиц) в каждом из сопоставляемых языков превышает 300. Однако нам кажется, что мы имеем дело с перспективным вариантом сопоставительного описания языков:

ЛИТЕРАТУРА

- Адамец, П. 1966, *Порядок слов в современном русском языке*. Praha: UK.
 Бондарко, А.В. 1984, *Функциональная грамматика*. Ленинград: Наука.
 Горалек, К. (ред.) 1979, *Русская грамматика 1, 2*. Praha: Academia.

¹ Более подробно см.: Karlík 1979, Žaža 1993.

- Горшкова, К.В. – Петрухина, Е.В. (ред.) 1986, *Вопросы изучения русского языка в сопоставлении с другими славянскими языками*. Москва: МГУ.
- Золотова, Г.А. 1982, *Коммуникативные аспекты русского синтаксиса*. Москва: Наука.
- Йирачек, Й. 1971, *Интернациональные суффиксы существительных в современном русском языке*. Brno: UJEP.
- Конюшкевич, М.И. 1989, *Синтаксис близкородственных языков*. Минск: Университет.
- Кубик, М. (ред.) 1982, *Русский синтаксис в сопоставлении с чешским*. Praha: SPN.
- Кубик, М. – Кондрашов, Н.А. 1977, *Русский язык глазами лингвиста-слависта*. Praha: SPN.
- Мразек, Р. 1964, *Синтаксис русского творительного*. Praha: SPN.
- Мразек, Р. 1990, *Сравнительный синтаксис славянских литературных языков*. Brno: UJEP.
- Пете, И. 1991, *Синтаксис русского языка для венгерских студентов-русистов*. Budapest: Tankönyvkiadó.
- Светлик, Я. 1979, *Синтаксис русского языка в сопоставлении с словацким*. 3-е изд. Bratislava: SPN.
- Шведова, Н.Ю. – Лопатин, В.В. (ред.) 1990, *Русская грамматика 1, 2*. Москва: Русский язык.
- Adamec, P. 1980, K vyjadřování referenční určenosti v češtině a v ruštině. *Slovo a slovesnost* 41, 257–264.
- Barnet, V. 1983, K problému ekvivalence při lingvistickém srovnávání. In: Konstantinova, T.I. – Širokova, A.G. – Zatovkaňuk, M. – Hrabě, V. (red.) *Konfrontační studium ruské a české gramatiky a slovní zásoby 2*. Praha: UK, 7–26.
- Bauer, J. – Mrázek, R. – Žaža, S. 1979, *Příruční mluvnice ruštiny 2*. 3-е изд. Praha: SPN.
- Běličová, H. 1983, *Modální báze jednoduché věty a souvětí*. Praha: ÚJČ ČSAV.
- Daneš, F. 1985, *Věta a text*. Praha: Academia.
- Grepl, M. – Karlík, P. 1988, *Skladba spisovné češtiny*. 2-е изд. Praha: SPN.
- Chlupáčová, K. 1974, K charakteristice pojmenování v ruštině. In: Konstantinova, T.I. – Širokova, A.G. – Zatovkaňuk, M. – Hrabě, V. (red.) *Konfrontační studium ruské a české gramatiky a slovní zásoby 1*. Praha: UK, 199–208.
- Chvany, C.V. 1975, *On the syntax of BE-sentences in Russian*. Cambridge, Mass: Slavica.
- Jiráček, J. 1986, *Morfologie ruského jazyka 1: Substantivum*. Praha: SPN.
- Karlík, P. 1979, Tzv. že-výpovědi a jejich funkce. *Slovo a slovesnost* 40, 5–10.
- Mrázek, R. 1973, Funkční distribuce *habere* a *esse* v slovanské větě. In: *Československé přednášky pro VII. mezinárodní sjezd slavistů ve Vařavě*. Praha: Academia.
- Petr, J. (red.) 1986–1987, *Mluvnice češtiny 1–3*. Praha: Academia.
- Sternemann, R. (Leitg.) 1983, *Einführung in die kontrastive Linguistik*. Leipzig: Russistische Studien.
- Žaža, S. 1991, K diferencím ve složení ruské a české slovní zásoby. *Sborník prací filozofické fakulty brněnské univerzity A* 39. Brno, 49–56.
- Žaža, S. 1993, Význam souhry gramatických, lexikálních a fonických prostředků pro vztah komunikativní funkce a výpovědní formy. *Slavia* 62, 285–289.